

© 2021. Н. Г. Михновец

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

«Пугачевцы» Е. А. Салиаса в рецепции Ф. М. Достоевского: к вопросу об эпичности русского романа

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-012-00102

Аннотация: В статье проанализирован характер взаимодействия литературы первого ряда и беллетристики в 1860–1870-х гг. как динамический, разноплановый и диалогический. Утверждается, что исторический роман Е. А. Салиаса «Пугачевцы» (1874), опирающийся на открытия романа-эпопеи «Война и мир» Л. Н. Толстого, свидетельствовал о процессе укрепления эпической тенденции в русской литературе XIX в. Роман Е. А. Салиаса не был исключительно вторичным, новаторским стало изображение героя «хищного типа», однако его понимание беллетристом не оказалось глубоким. Отмечается, что дальнейшая разработка была предпринята Ф. М. Достоевским на первом этапе создания романа «Подросток». Ее отличительной особенностью стало рассмотрение «хищного типа» в контексте русской истории духовных исканий XVII–XIX вв. Описание этапов разработки типа Ф. М. Достоевским позволило прийти к выводу о том, что процесс познания русского характера, выявление закономерностей исторического развития России предполагал разностороннее постижение национальных основ жизни, что последнее предопределило эпичность как ведущую особенность русского романа второй половины XIX в.

Ключевые слова: классика, беллетристика, русский характер, «хищный тип», эпичность, русский роман, духовные искания, Ф. М. Достоевский, Е. А. Салиас.

Информация об авторе: Надежда Геннадьевна Михновец, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, наб. р. Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0674-1964>

E-mail: mikhnovets@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 16.07.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 09.09.2021

Дата публикации статьи: 25.12.2021

Для цитирования: Михновец Н. Г. «Пугачевцы» Е. А. Салиаса в рецепции Ф. М. Достоевского: к вопросу об эпичности русского романа // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 4. С. 92–113. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-92-113>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 4, 2021, pp. 92–113. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 4, 2021, pp. 92–113. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. Nadezhda G. Mikhnovets
The Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russia

“The Pugachevites” by E. A. Salias in the Reception of F. M. Dostoevsky: on the Epic Character of the Russian Novel

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), number 20-012-00102.

Abstract: The article analyzes the nature of the interaction between first-line literature and fiction in the 1860–1870s as dynamic, versatile and dialogical. It is argued that the historical novel by E. A. Salias “The Pugachevites” (1874), based on the discoveries of the epic novel “War and Peace” by L. N. Tolstoy, testified to the process of strengthening the epic tendency in Russian literature of the 19th century. The novel by E. A. Salias was not exclusively secondary, the portrayal of the “predatory type” hero became innovative, but not deeply understood by the fiction writer. It is noted that further development was undertaken by F. M. Dostoevsky at the first stage of the creation of the novel “The Adolescent”. Its distinctive feature was the consideration of the “predatory type” in the context of the Russian history of spiritual quests of the 17th–19th centuries. The description of the stages of development of the type by F. M. Dostoevsky made it possible to come to the conclusion that the process of cognition of the Russian character, the identification of the laws of the historical development of Russia presupposed a versatile comprehension of the national foundations of life, which predetermined the epic character as the leading feature of the Russian novel of the second half of the 19th century.

Keywords: classics, fiction, Russian character, “predatory type”, epic, Russian novel, spiritual quest, F. M. Dostoevsky, E. A. Salias.

Information about the author: Nadezhda G. Mikhnovets, DSc in Philology, Professor, The Herzen State Pedagogical University of Russia, nab. r. Moiki, 48, 191186 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0674-1964>

E-mail: mikhnovets@yandex.ru

Received: July 16, 2021

Approved after reviewing: September 09, 2021

Published: December 25, 2021

For citation: Mikhnovets N. G. “The Pugachevites” by E. A. Salias in the Reception of F. M. Dostoevsky: on the Epic Character of the Russian Novel.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 4, 2021, pp. 92–113. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-92-113>

Графа Е. А. Салиаса де Турнемира (далее — Салиас) многие современные ему критики относили к наиболее ярким представителям исторической беллетристики второй половины XIX столетия. Показательна дневниковая запись М. А. Веневитинова (литератора, археолога, племянника поэта Д. В. Веневитинова) в связи с Пушкинскими торжествами в Москве в 1880 г. В ней передано содержание его беседы с поэтом А. А. Голенищевым-Кутузовым и с историком русского права, профессором Московского университета Ф. М. Дмитриевым: «Зашла речь о предстоящих празднествах и об отсутствии на них некоторых русских писателей, например, Фета, Салиаса, и в особенности графа Л. Н. Толстого» [Достоевский в неизданной переписке: 501]. Примечательно, что Салиас поставлен собеседниками в один ряд с А. А. Фетом и Л. Н. Толстым. Спустя десятилетие в журнале «Исторический вестник» критик Арс. Введенский подвел промежуточный итог творческой деятельности писателя: «В ряду собственно русской беллетристики им (произведениям Салиаса. — Н. М.) принадлежат по праву едва ли не самое выдающееся место» [Введенский: 392].

Дебютным и самым значительным произведением Салиаса был исторический роман «Пугачевцы», завершённый в 1871 г. и вышедший в свет в 1874 г. Появление романа вызвало бурную дискуссию в московских и петербургских газетах и журналах. Ее краткий обзор ранее был предпринят В. А. Викторovichем и его коллегами [Викторovich: 460]. Обратимся к наиболее интересным моментам полемики.

А. М. Скабичевский, петербургский критик «левого» толка, указал на вторичный характер произведений Салиаса и Н. А. Чаева, созданных под впечатлением от романа-эпопеи «Война и мир» Толстого. Критик писал: «... Салиас и Чаев сумели вполне отрешиться от своих собственных физиономий: их самих вы тщетно будете искать в романах, вы найдете в них вездесущее присутствие одной только личности — графа Л. Толстого, у которого романисты взяли целиком все, что только

можно было взять — характеры, сцены, мотивы, философию, словом, ободрали бедного автора “Войны и мира”, что называется, до ниточки, представивши, таким образом, образцы такого рабского подражания, какого давно уже не слыхано было в нашей литературе» [Скабический: 22]. Рецензент (подпись А. С-ъ) из московской газеты «Русские ведомости» резко критически отреагировал и на изображение народного бунта в первой части салиасовского романа, сравнивая его, по всей видимости, с «Капитанской дочкой» А. С. Пушкина. Рецензент писал: «Но ведь все это уже было подробно рассказано <...> Стоило только переписать, кое-где поразмазать, прибавить немного своего, собственно для порчи, — и готово. Где же и в чем тут особенная заслуга? Где тут личный талант г. Салиаса?» [С-ъ 103: 1].

Популярный петербургский обозреватель В. П. Буренин, напротив, дал высокую оценку, он соотнес «Пугачевцев» с «Капитанской дочкой» Пушкина и с «Войной и миром» и увидел в этой преемственности достоинство нового романа. Сходство между «Войной и миром» и «Пугачевцами» он увидел в главном предмете изображения, имея в виду «“хоровое” начало русской жизни» [Буренин: 1]. «Пугачевцы», по его мнению, есть «полная и широкая историческая картина, конечно, не везде с равным искусством выполненная, но однако же дающая целое и яркое представление о страшной “пугачевщине”» [Буренин: 2]. По мнению критика, «этот роман убеждает наглядно, насколько область нашей беллетристики раздвинулась, насколько выросло изучение и понимание нашей народной жизни» [Буренин: 2].

Высоко оценил роман «Пугачевцы» В. Г. Авсеенко, вместе с Салиасом принадлежащий к «молодой плеяде московских писателей». Он писал: «Схваченный в романе *Пугачевцы* момент борьбы культурного слоя с материальным восстанием некультурных элементов есть момент великой исторической идеи, связывающей наше прошедшее с настоящим и обнимающей совокупность наших национальных, духовных и общественных интересов» [Авсеенко: 874]. С этим романом критик связал мысль о «возвышении внутреннего содержания русского романа» к «интересам культурной жизни», столь необходимым в ситуации современного «безмерно-надоевшего няньчання с семинаристом и мужиком» [Авсеенко: 894].

При этом критик передал содержание наиболее ярких и захватывающих, с его точки зрения, страниц произведения: историю рождения

ребенка, от которого отрекся князь Зосима Хвалынский, воссоздание душевного состояния его невестки Милуши накануне предстоящей жизни в монастыре. Примечательно, что не только Авсеенко, но и Достоевский, обратил внимание на отличающуюся глубиной психологических наблюдений сцену с Милушей: как уже было отмечено в достоевсковедении, писатель ввел эту сцену в контекст повести «Кроткая» (1876).

Авсеенко выделил сцены медового месяца князя Данилы и Милуши, по его мнению, они свидетельствовали о зрелости дарования Салиаса. С такой трактовкой решительно расходилось мнение рецензента «Русских ведомостей», прокомментировавшего эти же сцены как одно из самых пошлых, «клубничных» мест романа. Автор газетной публикации заключил: «Из-за фигур людей того времени, которых автор заставляет изображать эти безнравственные сцены, беспрестанно выглядывает бессильное похотливое лицо нашего современного сластолюбца» [С-ъ 104: 2].

Как правило, современники сходились во мнении, что Салиасу была присуща богатая творческая фантазия. Один из критиков журнала «Исторический вестник» в статье за 1899 г., посвященной 35-летию литературной деятельности писателя, следующим образом определил господствующую черту его таланта: «Мы говорим о сильнейшем развитии у нашего автора фантазии, вследствие чего он особенно склонен к темам с запутанными интригами, со всевозможными таинственными приключениями, с загадочными действующими лицами» [Бороздин: 610]. Это суждение обобщающего характера можно отнести, в частности, и к роману «Пугачевцы».

На этом фоне в целом выделялась позиция журнала «Гражданин». Дело в том, что изданию романа «Пугачевцы» отдельной книгой предшествовали журнальные публикации 1873 г. Речь идет об отрывке из 1-й части, представшем в мартовском номере «Гражданина» (№ 12). Заметим, что затем были опубликованы и две первые части в летне-осенних номерах «Русского вестника» (№ 8–11). Редакция «Гражданина» в лице консервативного публициста, издателя князя В. П. Мещерского и редактора Ф. М. Достоевского фактически анонсировала этот роман Салиаса.

Развернувшаяся баталия вокруг романа «Пугачевцы» поставила редакцию «Гражданина» перед необходимостью высказаться о целесоо-

бразности предпринятого анонса. Предложенное обоснование примечательно, обратимся к нему.

17 мая 1874 г. в газете «Русские ведомости» вышла публикация, завершающая серию разгромных критических статей, посвященных «Пугачевцам». Однако через десять дней, 27 мая, в «Гражданине» появился благожелательный отзыв на «Пугачевцы» за подписью «Павел Павлов». Заметим, что к тому времени Достоевский уже оставил пост редактора. Показательно, что отзыв начинался с отсылки к произведению Толстого «Война и мир»: «Гениальное произведение Л. Толстого <...> оказало огромную услугу нашему обществу; оно явилось в самый разгар мещанства в литературе, и все общество, так сказать, разбудило насильно от забвения их прежних, блаженных преданий о литературе и ее идеалах; и вот, общество отрезвилось, получило вновь живое представление о высоком и художественном, и если роман гр. Салиаса встречен был с сочувствием, то это потому, что роман гр. Толстого не дал замереть в нем тому чувству или инстинкту, благодаря которому оно и могло обеспечить успех “Пугачевцам”, без спроса о том позволения у литературной критики. Роман гр. Салиаса явился как бы протестом против этого мещанского взгляда на современный роман и поставил читателя перед необъятною по размерам и живою по интересам картиною пугачевского бунта, где автору удалось верно схватить дух русского народа в эпоху пугачевщины и, в то же время, группировать около этой чисто народной эпопеи русских людей того времени из среды образованной, с соблюдением исторического колорита и *проявлением живой веры в идеалы русской жизни*» (курсив наш. — Н. М.) [Павлов: 585].

Рецензент П. Павлов «поднимал» роман Салиаса до высот эпопеи Толстого, показательно, что критерием для этого стали глубокое постижение «духа русского народа», понимание важности сближения образованных людей с народом, проявление «живой веры в идеалы русской жизни» на материале русской истории.

Таким образом, роману Салиаса была дана весьма высокая оценка: «Пугачевцы» были определены как «чисто народная эпопея». Вместе с тем был заострен вопрос о направлении в дальнейшем развитии русской литературы. При этом эпопея Толстого воспринималась как важнейший ориентир в деле понимания целесообразности современного искусства: оно должно было избежать опасности оказаться в узких

рамках современного «мещанства» и поддержать актуализированную автором книги «Война и мир» тенденцию познания народной жизни в эпической перспективе — с выявлением оснований многовековой национальной жизни. Публикацией — анонсом отрывка из «Пугачевцев», а также доброжелательным критическим отзывом, который был созвучен позиции Авсеенко, редакция «Гражданина» выступила как бы поверх дискуссии о достоинствах и недостатках романа, настаивая на более существенном. Главное для редакции заключалось в самом факте преемственности в деле познания национальной жизни — от «Войны и мира» к «Пугачевцам». Перед этим знаменательным событием вопрос о творческих удачах или промахах молодого автора отступал на второй план.

Предполагаем, что подобное понимание «Пугачевцев» в целом было приемлемо для Достоевского.

Вместе с тем необходимо внимательнее осветить реакцию Достоевского на роман Салиаса «Пугачевцы». Начнем с того, что Достоевский прочел этот роман (или отрывок из него) еще в рукописи и заинтересовался им. В записной тетради писателя, только что согласившегося принять на себя обязанности редактора журнала «Гражданин» и знакомившегося с материалами редакции, есть выразительная помета, относящаяся к концу декабря 1872 г.: «Счет статей замечательных, находящихся в редакции:

Роман московской дамы

О Пугачеве Сальяса» [Достоевский 21: 259].

И примерно через год, 19 марта 1873 г., в «Гражданине» был опубликован «Сполох и майдан» с подзаголовком «Отрывок из романа времени пугачевщины».

Затем, в январе — начале февраля 1874 г., в распоряжении Достоевского, еще продолжавшего служить в «Гражданине», была и книга только что вышедшей в свет полной версии «Пугачевцев». Об этом издании идет речь в письме сотрудника «Гражданина» Н. Н. Страхова к Е. А. Штакеншнейдер от 19 февраля того же года. Н. Н. Страхов писал: «От меня требуют “Пугачевцев”, Елена Андреевна. Что делать — книга чужая. А если хотите сделать при этом величайшее одолжение мне, то прошу вас, отошлите их завтра же, утром, даже сейчас же в редакцию “Гражданина” (на углу Итальянской и Надеждинской, д. № 21), а еще лучше и ближе к вам — к Ф. М. Достоевскому (на углу Лиговки и Гусева

переулка, дом по Гусева № 8)» [Достоевский в неизданной переписке: 436].

Следует обратить внимание, что в 1869–1872 гг. Страхов опубликовал серию глубоко содержательных статей, посвященных книге Толстого «Война и мир». Критик писал, что автор соединяет «историческую верность с общепсихологической правдою, яркую народную своеобразность с общечеловеческою шириною» [Страхов: 288]. В этом контексте оценка Страховым салиасовского романа представляется резкой. Так, в письме к Достоевскому от 30 января 1874 г. он заявил: «И “Пугачевцы” — воля ваша — по прочтении оставляет некоторую пустоту в голове» [Достоевский в неизданной переписке: 436]. Такое восприятие романа Страховым было близким мнению А. М. Скабичевского, а также перекликалось с выпадами рецензента из «Русских ведомостей».

Отношение Достоевского к роману «Пугачевцы» выделялось на общем фоне разнообразных, в том числе и весьма нелестных, высказываний критиков об этом произведении. Попытаемся понять, что определило эту неоднозначную ситуацию.

Во-первых, Достоевский, как отмечено выше, поддерживал общую позицию редакции журнала «Гражданин». Во-вторых, можно предположить его творческое участие в публикации-анонсе. У нас нет сведений, была ли представлена в редакцию журнала «Гражданин» рукопись всего романа или только отрывок из его первой части, кто был инициатором публикации, кто определил границы фрагмента и дал ему название — Салиас, Мещерский или Достоевский.

Вместе с тем полагаем, что Достоевский был знаком с рукописью романа. Дело в том, что в опубликованном отрывке «Сполох и майдан» дан эпизод, в котором «русый молодец» решает объявить себя царем. Однако по дороге узнает от старика-проводника, что тот лично видел государя, и убивает старика. Затем первый самозванец прибывает в село, начинается смута, которая оборачивается кровавой бойней. И только в конце отрывка появляется Емельян Пугачев, но внимание на нем не сконцентрировано. Отрывок «Сполох и майдан» освещает яркий эпизод пугачевщины, с характерными для нее явлениями самозванства и стихийности. В таком контексте запись Достоевского: «О Пугачеве Сальяса» — скорее свидетельствует об интересе к Пугачеву, а значит, о знакомстве с рукописью всего романа. Следовательно, допу-

стима мысль о творческой инициативе Достоевского-редактора: жанр отрывка открывал для редактора возможность ограничиться наиболее показательным в произведении еще неизвестного автора.

В-третьих, с романом Салиаса связаны раздумья писателя над проблемой познания глубинных закономерностей русской жизни художником и ее изображения. На последнем аспекте остановимся отдельно.

В подобных размышлениях писатель отводил особую роль историческому роду произведений живописи и литературы. В мартовской статье «По поводу выставки» из «Дневника писателя» за 1873 г., опубликованной в том же «Гражданине», номером позже салиасовского «Сполоха и майдана», Достоевский писал, раздумывая над тем, почему в современной живописи сложилась своеобразная боязнь «исторического рода живописи» и возобладали «жанр», т. е. «искусство изображения современной текущей действительности»: «Мне кажется, что художник как будто предчувствует, что (по понятиям его) придется ему непременно “идеальничать” в историческом роде, а стало быть, лгать. “Надо изображать действительность как она есть,” — говорят они, тогда как такой действительности совсем нет, да и никогда на земле не бывало, потому что сущность вещей человеку недоступна, а воспринимает он природу так, как отражается она в его идее, пройдя через его чувства; стало быть, надо дать поболее ходу идее и не бояться идеального. <...> Идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность» [Достоевский 21: 75–76].

Роль художника состоит не в копировании жизни, «как она есть», но в постижении сущности вещей (при том, что «сущность вещей человеку недоступна») — то есть ее глубинных, идеальных ценностей. Эта сущность вещей отражается в его идее, «пройдя через его чувства». «Спросите, — пишет Достоевский, — какого угодно психолога, и он объяснит вам, что если воображать прошедшее событие и особливо давно прошедшее, завершенное, историческое (а жить и воображать о прошлом нельзя), то событие *непременно* представится в законченном его виде, то есть с прибавкою всего последующего его развития, еще и не происходившего в тот именно исторический момент, в котором художник старается вообразить лицо или событие. А потому сущность исторического события и не может быть представлена у художника точь-в-точь так, как оно, может быть, совершалось в действительности» (курсив автора. —Н. М.) [Достоевский 21: 76]. Художник, избира-

жая прошлое и находясь в настоящем, пробивается к выявлению и пониманию глубинных закономерностей в развитии «действительности» в целом. Другими словами, задачи, перед решением которых стоит художник, чрезвычайно сложны.

В этом контексте и в связи с романом «Пугачевцы» интересны размышления критика Н. К. Михайловского, отказавшегося отнести Салиаса к «горячо чувствующим и мыслящим художникам». Критик писал о салиасовских произведениях 1870-х гг.: «Не недостаток повествовательного таланта вредит нашему автору, а недостаток умственного и смеем сказать, нравственного развития, недостаточное понимание горького смысла описываемых событий и недостаточное внутреннее, сердечное проникновение этим смыслом» [Михайловский: 817].

Достоевский, повторим, отнес к «статьям замечательным» прочитанное им «О Пугачеве Сальяса». И это закономерно: его интересовало существо русского характера. В <Записной тетради 1876–1877 гг.> есть помета Достоевского: «*Русский характер. Перейти предел*. Фотий. Платон Зубов разве не Пугачев» (курсив наш. — Н. М.) [Достоевский 24: 290].

Однако, забегая вперед, скажем, что писатель не был удовлетворен глубиной понимания Салиасом русской жизни, в частности — феномена широкости русского человека. О князе Даниле Хвалынском, которого создал Салиас, а затем интерпретировал Авсеенко, Достоевский решительно заявил: «Не понимают они *хищного типа*» (курсив автора. — Н. М.) [Достоевский 16: 7].

Показательно, что необычность князя Данилы Хвалынского отметили все критики, откликнувшиеся на роман. Не менее важно, что каждый из них дал свою, отличную от других, интерпретацию образа князя. Этот факт заслуживает отдельного внимания, необходимо понять, почему герой получил у критиков диаметрально противоположные оценки.

А. М. Скабичевский в начале статьи декларирует отсутствие у Салиаса какой бы то ни было оригинальности в разработке характера князя Данилы. Для критика это «гордый, непреклонно-твердый, храбро отважный охранитель князь Данило Родивоныч Хвалынский» [Скабичевский: 25]. Образ создан, по его мнению, «в духе московских тенденций», то есть в рамках уже сложившегося типа героев — «охранителей» государственной власти [Скабичевский: 25].

Однако при этом критик должен был признать, что романист не вполне последователен в проведении «московской» тенденции. «Граф же Салиас, — пишет Скабичевский, — в дальнейшем развитии романа представляет своего князя Данилу Хвалынского в таком явно неблагоприятном свете, что на страницах *Русского вестника* герой этот сделался как бы обличением изнанки всех подобных ему высокодоблестных охранителей...» [Скабичевский: 33]. Критик, стараясь выявить причины сложившегося казуса, поставил следующие вопросы: «...происходит ли это от молодости и ненаметанности или может быть у Салиаса такой же склад ума, что ему трудно удержаться на какой-нибудь тенденции и остаться ей логически последовательным до конца». Однако Скабичевский столкнулся с тем, что именно непоследовательность Салиаса, как это ни парадоксально, и обусловила несомненную удачу произведения, и критик, противореча самому себе, был вынужден заявить: «...личность князя Данилы — это единственная вполне живая черта в романе» [Скабичевский: 35].

Важно учесть и мнение Е. Тур, матери графа Е. Салиаса, предложившей развернутую рецензию на роман «Пугачевцы». В названии ее брошюры: «Кто герои романа “Пугачевцы”?» был сформулирован главный вопрос к автору. Е. Тур, рассматривая систему основных героев романа, каждый раз с недоумением отмечала, что ни один из героев: князь Данило, князь Иван, Параня (русская Юдифь), Милуша (кроткая) — не может выступить в качестве настоящего героя. Е. Тур зафиксировала факт отсутствия четкой иерархии в системе героев романа и пришла к выводу, что в произведении нет отчетливо выраженного положительного идеала.

Размышляя над образом князя Данилы, Е. Тур, как и Скабичевский, оказалась в сложной ситуации. И она поделилась своим сомнением: «Трудно предположить, что князь Данило, жестокий, самовольный, чувственный, лишенный всяких нравственных качеств, даже самых обыкновенных, мог бы стать по мысли автора героем романа» [Тур: 11]. Далее Е. Тур пишет: «Но лицо Данилы так живо, что многие читатели, остановив на нем внимание при его первом появлении, смотрят за ним сначала с участием, так как он не вдруг является в своем настоящем свете. Затем с недоумением, не будучи в состоянии ничем извинить в Даниле проявления жестокости и злобы, читатели начинают догады-

ваться, немного поздно, что такое чудище, такой зверь, не может быть героем романа» [Тур: 11].

Князь Иван — единственный, по ее мнению, кто в романе может претендовать на статус настоящего героя. Однако противоречие заключается в том, что в глазах читателя он уступает князю Даниле. «Кто же виноват, — рассуждает Е. Тур, — что читатель не прилепляется к Ивану, и имея почти всегда перед собою этот симпатический тип, ищет около себя и находит в отвратительном лице Данилы нечто не дюжинное, что и приковывает его внимание» [Тур: 19]. Получается, что «отвратительный» князь Данило не отталкивает, но, напротив, притягивает к себе читателей.

«Пусть же не жалуется автор на читателей — он сам пренебрег Иваном и задумав лицо с богатством содержания, занялся другими лицами, не симпатичными, не облагороженными ничем, и на них потратил краски своего пера», — заявляет критик [Тур: 23–24]. Так Е. Тур указывает на парадокс: отрицательный герой составляет основной интерес для романиста, а положительный герой поблек на фоне этого героя. Таким образом, Е. Тур чутко уловила противоречия в проблемно-тематическом плане романа. Однако она не смогла объяснить природу их возникновения и, заключая свою обширную критическую работу, связала парадокс с огромной долей скепсиса в отношении романиста ко всему изображаемому им миру.

Авсеенко первым задумался над причиной проблемно-тематических противоречий, нашедших свое выражение как в структуре образа князя Данилы, так и в системе персонажей романа. Критик, размышляя над образом князя Данилы, указал на «хищнический инстинкт», который «сказывается даже в минуты полного опьянения страстей». Авсеенко, повторим, выделил сцены медового месяца князя Данилы и Милуши: «Хищническая черта проступает здесь в характере князя с особенною психическою знаменательностью. Ему нравится только добыча; он и жену хочет взять силой» [Авсеенко: 885].

Более глубокое понимание природы образа позволило критику, в отличие от предшественников, настаивать на его оригинальности: «...князь Данило Хвалынский есть собственное создание автора, результат запаса тех наблюдений, которые в художественной переработке составляют внутреннее содержание произведений изящной литературы, то есть философию жизни» [Авсеенко: 890]. По Авсеенко,

масштабы образа значительны: с одной стороны, князь Данила «один из самых цельных представителей» эпохи, с другой, он «есть тип общечеловеческий, совместивший в себе черты, присущие всем временам и народностям».

С точки зрения Авсеенко, основополагающая черта князя Данилы заключается в том, что он «человек страсти по преимуществу» (курсив автора. — Н. М.). Честолюбие героя было рассмотрено им как одно из проявлений страсти. Критик уточнил: «Это не честолюбец, это буйная и страстная натура вообще, смягченная влиянием интеллектуального развития» [Авсеенко: 892]. Главное для князя Данилы, по его мнению, — это «свобода сердца», «независимые движения крови и души». Авсеенко прокомментировал непоследовательность в поведении князя Данилы следующим образом: «Быть случайным человеком (курсив автора. — Н. М.) значит в известной степени не быть самим собою, а с таким существованием не может примириться князь Данила. Он все как будто откладывает петербургскую карьеру до того времени, когда внутри его образуется пустота; в минуты охлаждения страсти, в минуты внутренней реакции, он вспоминает о Петербурге, то с сожалением, то с самоуверенностью, как о чем-то таком, что еще не ушло от него» [Авсеенко: 891].

Однако в какой-то момент критик остановился в своих размышлениях, солидаризируясь с авторской концепцией дальнейшего развития образа. Авсеенко, как и романист, увидел дальнейший жизненный путь этого героя в следующей перспективе: после окончательного ухода Милуши «...соблазны честолюбия уже не действуют на него; он ощущает потребность успокоения хотя бы в том, что конечно внутренне он сознает недостойным себя» [Авсеенко: 891]. В целом Авсеенко тоньше других рецензентов понял роман, но и с ним случилось то же, что и с самим автором «Пугачевцев»: критик не смог глубоко понять природу образа князя Данилы.

Салиас, по существу, сделал открытие — вышел к «хищному типу», однако не постиг в полной мере его природу и логику его развития, не дал его убедительное изображение. То, на чем остановились Салиас и Авсеенко, и стало предметом раздумий Достоевского. Он записал: «Хищный тип (разбор кн<язя> Данилы Авсеенком). Почему дурак князь Данило имеет право на мое внимание. Сопоставление у Авсеенко простого честолюбца, который бы непременно вернулся в Петербург

к празднику, с князем Данилом, который, напротив, *не* вернулся по необузданности натуры своей, ибо страстен, женился на Милуше и хочет быть в страсти свободным. А потом хнычет: зачем не вернулся. №. Это потому, что он, главное, — *дурак*. Настоящий хищный и на Милуше женился бы всецело, и вернулся бы. Было бы безнравственно, но у полнейшего хищника было бы даже раскаяние, и все-таки продолжение всех грехов и страстей.

Не понимают они *хищного типа*.

№№. Иметь в виду настоящий хищный тип в моем романе 1875 года» (курсив автора. — Н. М.) [Достоевский 16: 6–7].

Отложим ненадолго эту запись и проследим за особенностями аналитической работы Достоевского времени создания романа «Подросток». Очевидно, что роман Салиаса первоначально был востребован на сюжетно-фабульном уровне нового романного замысла. В «Пугачевцах» князь Данило мучит Милушу, он то притягивает ее к себе, то отталкивает от себя, вновь привлекает и вновь самым подлым образом предает. Князь Данило, только что переживший радость обретения, казалось бы, навсегда утраченной им жены, и еще переживающий действительно лучшие дни своей семейной жизни с Милушей, тут же заводит любовную интрижку с Шефре, не любя ее. Милуша следует тайно за ним, узнает причину его отлучек и затем принимает окончательное решение уйти от мужа. Князь Данило убит известием о таинственном исчезновении Милуши, все поиски жены не увенчались для него успехом. При этом мысль о том, что теперь ею владеет другой, жжет его сознание. Утратив Милушу, князь теряет интерес к жизни, а рядом с ним находится нелюбимая Шефре.

В черновых вариантах нового произведения Достоевский, отталкиваясь от уже проработанного в «Пугачевцах», развивает многочисленные сюжетные ходы. «Широкость» «хищного типа» сюжетно разрабатывается романистом за счет введения в роман усложненных отношений «ЕГО» с женой. В черновиках «Подростка» читаем: «Разврат ЕГО тайный ей известен (она ночью следует за НИМ и уличает)» [Достоевский 16: 17]; «С НИМ неожиданный (главное для НЕГО неожиданный) припадок ревности к измученной ИМ жене, которой ОН сам изменил. ОН смеется было, считая это припадком самолюбия, но страсть давит ЕГО (Сон. Гол<ицын>), — дуэль, мысль об убийстве его на *ее* глазах и что она скажет. Ее любовь к Г<о>лиц<ыну>. Страстная любовь ЕГО к ней.

Преступление» [Достоевский 16: 12]; «ОН говорит жене: “Я тебя заму- чаю, и мне тебя не жалко, пока ты передо мной; а умрешь, я ведь знаю, что уморю себя казнию”» [Достоевский 16: 20]; «ОН жену не ценит как жену, на словах брака не то что не признает, а равнодушен. Но чуть коснулось до НЕГО, то и взбесился (когда она к Князю)» [Достоевский 16: 23]; «Игра кошки с жертвой. Зато и рассердился же ОН, когда ее у него отняли (Князек). Тогда ОН прямо наплевал на интригу свою с Княгиней и на всё дело, забыл и перестал ... чувствовать это дело, ибо ему понадобилась *жена*, которую отнимали» (курсив и прописные буквы автора. — Н. М.) [Достоевский 16: 29]; «Жена ЕГО ревнует. Когда же она связалась с Голицыным, то бросил и оставил Княгиню и стал отби- вать яростно жену (одним словом, много подлостей в ЕГО биографии). Ни одной страстью не пожертвовал» [Достоевский 16: 42]; «Тщеславие, влюбчивость и оскорбленная гордость *до выхода из себя*. Сверх того, обижен. Игра в обиженную любовь. Всё оказывается ничем при изме- не жены. Оказывается, что жена-то и была дорога ЕМУ. Она-то и есть жучок» (курсив и прописные буквы автора. — Н. М.) [Достоевский 16: 52]. Перечень сюжетно-фабульных переключек между черновыми ва- риантами нового романа, а также «Братьев Карамазовых» — и рома- ном Салиаса можно продолжить¹.

Однако на данный момент нас интересует процесс дальнейшей про- блемно-тематической разработки Достоевским «хищного типа» и постоян- ной писательской «самопроверки». В подтверждение приведем запись самого Достоевского: «ОН *чувствует*. Надо отвергнуть Лизу *вначале*, перестать мучить жену, стать честным, трудиться исполнять долг.

Но основной вопрос: *кому?* Соединенный с натурой, хищным ти- пом, позывом к *беспорядку и приключениям*.

№. Весь вопрос: верен ли характер и твердо ли стал перед автором» (курсив автора. — Н. М.) [Достоевский 16: 52]. Необходимость тща- тельной «выверки» сделанного обусловил для него пример неглубокого осмысления «хищного типа» Салиасом.

---

¹ Обращает на себя и намеченная ветвь «наставничества» в развитии сюжета: князь Данило искушает веру своего брата Ивана. В черно- виках «Подростка» говорится: «Этот хищный тип большой скеп- тик. Социальные идеи у окружающих его, над которыми он смеется. Разбивает беспощадно идеалы у других (у одного мальчика) и находит в этом наслаждение» [Достоевский 16: 8]. История семьи Хвалынских переключается с историей Карамазовых.

И продолжим цитировать запись Достоевского про «хищного типа», имеющую программный характер: «Это будет уже настоящий героический тип, выше публики и ее живой жизни, а потому понравится ей обязательно. (А кн<язю> Даниле, например, нечем нравиться.)

НБ. ДУМАТЬ ОБ ЭТОМ ТИПЕ.

Хищный тип (1875 г.).

Страстность и огромная *широкость*. Самая подлая грубость с самым утонченным великодушием. И между тем, тем и *сила* этот характер, что эту бесконечную широкость преудобно выносит, так что ищет, наконец, груза и не находит. И обаятелен, и отвратителен (красный жучок, Ставрогин).

Снес пощечину, отмстил втайне, бесчестил, выносил великие впечатления» (курсив автора. — Н. М.) [Достоевский 16: 7].

Работа Достоевского над новым романом имела глубоко аналитический характер, очень важно, что в ее основе лежало стремление соотносить новый тип с национальными основаниями (во многом именно в этом и состоял процесс «выверки»). Ни Салиас, ни Авсеенко этого не сделали, Достоевский же предпринял это во имя выявления глубинных закономерностей в развитии русской жизни.

Отметим отдельные направления в этой работе. Романист ввел тему «огромной широкости», что вписывалось в контекст русской литературы и критики 1850–1860-х гг., рассматривающей тему широты природы русского человека (А. Н. Островский, А. В. Дружинин, др.). Самая ранняя трактовка Достоевским «широкости русской природы» содержится в совместной статье с братом Михаилом о драматургии А. Н. Островского (до 1860 г.).¹ В связи с главным героем пьесы «Не в свои сани не садись» Достоевские написали: «... несмотря на свою темноту, тот же Русаков выражает собою всю широкость, все всепрощение русской природы. Когда дошло до дела, он сперва отталкивает, оскорбляет дочь, но тут же одумывается и укоряет себя. В русском человеке есть способность прямо подходить к истине и понять ее со всех сторон. Вместе с этой способностью он соединяет и всепримиряемость, т. е. способность простить даже злую, враждебную обстановку,

---

¹ Г. М. Фридлендер высказал убедительное предположение, что Достоевский принял деятельное участие в работе своего родного брата Михаила над статьей «“Гроза”. Драма в пяти действиях А. Н. Островского» (1860) [Фридлендер 1971: 408].

если только в ней заключается истина. Это качество, присущее русскому народу, оправдывается всей его историей, начиная с Петра и до Петра» [Достоевский М.: 166].

В 1874 г., по прочтении «Пугачевцев» и рецензии Авсеенко, Достоевский продолжал рассуждать над феноменом «широкости». Он отметил характерные для нее крайние проявления: грубость и великодушие, смирение («снес пощечину») и тайная месть в ответ, способность бесчестить — и выносить «великие впечатления». Сама «широкость» представлена в новом качестве — она избыточна, ибо допускает превышение границ, с которыми прежде соотносили представления о проявлениях широкой натуры: если «грубость», то «самая подлая», если «великодушие», то «самое утонченное». Эта «широкость» определена Достоевским как «огромная». Но у писателя, всматривающегося в «хищный тип», не мог не возникнуть вопрос: есть ли в этой широкости те качества, которые были присущи герою Островского.

«Хищный тип» как носитель «огромной широкости» обладает особой силой («сила этот характер»). Он способен «преудобно» вынести эту широкость и даже искать «груз». В связи с романом «Бесы» Н. Ф. Буданова писала, что мотив «бремени» «навевял произведениями учительной литературы» [Буданова: 100]. В контекст дальнейших размышлений исследовательницы в связи с этим мотивом входит сочинение свт. Тихона Задонского «Сокровище духовное, от мира собираемое». Показателен следующий фрагмент, в котором «бремя» соотносится с понятием «гордость»: «(Гордый человек) Начинает дела выше своих сил, которых не может сделать. О человек! Зачем касаешься бремени, которого не можешь понести?» [Задонский: 518]. Достоевский, осмысляя героя «хищного типа» в новом романе, как и в случае со Ставрогиным, прослеживает, способен он или нет к смирению. Свт. Тихон Задонский призывал к христианскому смирению. Немаловажно вспомнить: Достоевский полагал, что этот святой воплощал в себе исторический идеал русского народа. Показательна запись из «Дневника писателя» за февраль 1876 г.: «Я не буду вспоминать про его (народа. — Н. М.) исторические идеалы, про его Сергиев, Феодосиев Печерских и даже про Тихона Задонского. А кстати: многие ли знают про Тихона Задонского? Зачем это так совсем не знать и совсем дать себе слово не читать? Некогда, что ли? Поверьте, господа, что вы, к удивлению вашему, узнали бы прекрасные вещи» [Достоевский 22: 43].

Писатель, характеризуя «хищный тип», упоминает пощечину. Сам мотив публичной пощечины, как известно, константен в произведениях писателя. В творчестве Достоевского конца 1860 – начала 1870-х гг. (романный замысел «Житие великого грешника», роман «Бесы») у события публичной пощечины, как отмечено достоевскооведами, есть два источника. Первый — эпизод из жизни иеромонаха Аникиты (князя С. А. Ширинского-Шихматова, 1783–1837) в «Сказании о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой горы Афонской инока Парфения» (1856) [Тихомиров: 348–350]. Японский исследователь Н. Саису полагает, что история Аникиты позволяет Достоевскому развивать в «Бесах» тему особого исторического предназначения древнерусского княжества, введенную еще в романе «Идиот» [Саису: 113–114]. Второй — эпизод из жизнеописания свт. Тихона Задонского [Саису: 115–117]. Очевидно, что намеченный Достоевским в связи с «хищным типом» эпизод с пощечиной предполагает обращение к выдающимся подвижникам Православия, погруженность в русскую историю духовного подвижничества.

В той же черновой заметке о «хищном типе» романист, повторим, говорит о его силе. Это соотносится с поисками писателем в первой половине 1870-х гг. основной части современного русского общества, с которой можно будет связать будущее России. В это время писатель отказывается признавать за русской аристократией, имеющей многовековую историю, ведущую роль в дальнейшем развитии России. В <Записных тетрадах 1876–1877 гг.> Достоевский отметил: «Лучший человек и всегда был так, но не там, где аристократы. Сильные люди. Не сильные лучшие, а честные. Честь и собственное достоинство только сильнее всего» [Достоевский 24: 230]. Очевидно, что писатель раздумывал над новым типом в перспективе исторического развития России, однако осуществленная им «выверка» героя не позволила возложить на него какие-либо надежды.

Трактовка «хищного типа» в рецензии Авсеенко и в самом романе Салиаса вызвала, как уже отмечено в достоевскооведении, «...несогласие Достоевского, что, возможно, послужило толчком к поворотному моменту самоопределения писателя в творческой истории Подростка» [Летопись: 484]. Добавим к этому справедливому положению, что важную роль в работе писателя над замыслом занимал поиск национальных корней для нового — «хищного» — типа, а также определение его

места в современной России. В ходе этой работы писатель убеждался в необходимости других героев, которые бы позволили раскрыть широкие возможности национальной жизни и убедительно показать ее положительные основания.

В творческой мастерской Достоевского значительное место занимал опыт писателей-предшественников и современников. Одна из важнейших особенностей Достоевского-писателя, по авторитетному мнению Г. М. Фридендера, состояла в том, что «он не смотрел на свою художественную работу как на плод одних лишь собственных творческих усилий, но видел в ней продолжение коллективной работы писателей разных стран и эпох, проявление общих по своему смыслу тенденций и закономерностей развития национальной и мировой литературы» [Фридендер 1979: 141]. Многоплановая рецепция Достоевским романа «Пугачевцы» Салиаса, тщательная «выверка» опыта писателя-предшественника лишний раз подтверждают это: совместными усилиями постигались глубинные основания национальной жизни. При этом нельзя забывать, что Достоевский выверял, углублял, обобщал сделанное — и на качественно новом этапе двигался дальше.

Ю. В. Лебедев, осмысляя характер отношений между «молодой плеядой московских писателей» (Б. М. Маркевича, В. Г. Авсеенко, Е. А. Салиаса, Д. В. Аверкиева, др.) с произведениями И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. Л. Лескова, пришел к убедительному выводу, что произведения «плеяды» «создавались с установкой на художественную полемичность, которая не связана ни с эпигонством, ни с компилятивностью» [Лебедев: 24]. Справедливо утверждение В. Г. Андреевой, что «в 1860–1880-е гг. между русскими романистами разворачивается уникальный полилог, репликами которого являются художественные произведения (романы), статьи, критические заметки». Исследовательница отмечает, что этот полилог «мог быть прекрасно виден вдумчивому читателю, погруженному в литературный процесс своего времени. Однако сложность и многогранность этого живого в те годы спора, скорее всего, во всей полноте и во всем богатстве может быть осмыслена только сейчас» [Андреева: 382].

М. М. Бахтин в работе «Эпос и роман» стремился провести отчетливую грань между древним эпосом и романом. В частности, он писал о национальном эпическом прошлом как предмете эпопеи, о национальном предании (предполагающем общезначимость оценки) как ее

источнике. Предметом же романа является, по его мнению, становящаяся действительность, а источником — «личный опыт» автора и его «свободный творческий вымысел», а также опыт бытовой письменности [Бахтин: 475, 481].

Предпринятая работа подводит нас к заключению, что на материале русской литературы второй половины XIX столетия не представляется возможным столь же отчетливо разграничить эпическое произведение и русский роман. Во-первых, вполне очевидно проявляется преемственность между историческими и эпическими произведениями (пусть и разнокачественными): «Капитанская дочка» — «Война и мир» — «Пугачевцы»; затем этот ряд пополняют романы «Братья Карамазовы» и «Воскресение». Во-вторых, глубокое познание «становящейся» современности в принципе невозможно как без погружения в прошлое, в историю России, так и без «выверки» нового, предполагающей соотношение с национально значимым, авторитетным и убедительным. Это познание предполагает обращение к национальному преданию, имеющему непререкаемые основания. В-третьих, если глубина познания русской жизни в случае «Пугачевцев» Салиаса вызывала у современников сомнения, то в связи с Достоевским она очевидна. Труд гения характеризуется не только аналитичностью и чрезвычайной ответственностью в подходе и в осмыслении материала, но и свидетельствует об его эпическом видении жизни России как прошлой, так и настоящей.

Список литературы

Источники

- Авсеев В. Г.* Исторический роман // Русский вестник. 1874. № 4. С. 865–894.
- Бороздин А.* Тридцатипятилетие литературной деятельности графа Е. А. Салиаса // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1899. Февраль. С. 608–616.
- Буренин В. П.* (подпись Z) Новые книги. Пугачевцы. Исторический роман. Соч. Ев. Салиаса // Санкт-Петербургские ведомости. 1874. 26 февраля. С. 1–2.
- Введенский Арс.* Современные литературные деятели. Граф Е. А. Салиас // Исторический вестник. 1890. № 8. С. 380–399.
- Достоевский М. М.* «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского // Русская трагедия. Пьеса А. Н. Островского «Гроза» в русской критике и литературоведении. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 162–183.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Достоевский в неизданной переписке современников (1837–1881)* // Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 86: Ф. М. Достоевский: Новые матери-

лы и исследования / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. С. 347–564.

Святитель Тихон Задонский. Собрание творений: в 5 т. / сост. прот. Л. Лебедев. Т. 5. М.: Изд-во Сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2003. 992 с.

Михайловский Н. К. Е. Салиас, автор романа «Пугачевцы». Повести. 2 тома. СПб., 1877 г. // Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб.: Изд-во Н. Н. Михайловского, 1913. Т. 10. С. 815–818.

Павлов П. <*Быков-Терский П. А.*> Заметки досужего читателя // Гражданин. 1874. № 52. 31 декабря. С. 1330–1333.

С-ъ А. Литературное самозванство // Русские ведомости, 1874. № 103. 16 мая. С. 1–2.

С-ъ А. Литературное самозванство // Русские ведомости, 1874. № 104. 17 мая. С. 1–2.

Скабичевский А. М. Современное обозрение. Литературные противоречия. «Пугачевцы», исторический роман, сочинение Ев. Салиаса, в 4 томах. Москва, 1874. «Богатыри», роман в трех частях из времени императора Павла. Н. Чаева. Москва, 1873 // Отечественные записки. 1874. Т. 213. № 3. С. 1–43.

Страхов Н. Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. 431 с.

Тур Е. Кто герои романа «Пугачевцы». М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1874. 64 с.

Исследования

Андреева В. Г. О национальном своеобразии русского романа второй половины XIX века. Кострома: КГУ, 2016. 492 с.

Бахтин М. М. Эпос и роман // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 447–483.

Буданова Н. Ф. «И свет во тьме светит...» (К характеристике мировоззрения и творчества позднего Достоевского). СПб.: ИД «Петрополис», 2012. 408 с.

Викторович В. А., Манькова Л. В., Пенская Е. Н. Салиас-де-Турнемир // Русские писатели 1800–1917 / гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая Рос. Энциклопедия, 2007. С. 456–461.

Лебедев Ю. В. У истоков диалога эпических романов в журнале «Русский вестник» (И. С. Тургенев и Б. М. Маркевич) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 3. С. 22–51. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-3-22-51>

Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881: в 3 т. СПб.: Академический проект, 1999. Т. 2. 593 с.

Саису Н. Образ наставника в творчестве Ф. М. Достоевского конца 1860-х — начала 1870-х гг.: св. Тихон Задонский, К. Е. Голубов: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020. 194 с.

Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: статьи и эссе о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2012. 500 с.

Фридлендер Г. М. У истоков почвенничества (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч») // Известия РАН. Сер. литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1971. № 3 (5). С. 400–410.

Фридлендер Г. М. Достоевский и мировая литература. М.: Худож. лит., 1979. 423 с.

References

- Andreeva, V. G. *O natsional'nom svoeobrazii russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka* [On the National Identity of the Russian Novel of the Second Half of the 19th Century]. Kostroma, KGU Publ., 2016. 492 p. (In Russ.)
- Bakhtin, M. M. “Epos i roman” [“Epic Poem and Novel”]. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Literature and Aesthetics Issues]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975, pp. 447–483. (In Russ.)
- Budanova, N. F. “I svet vo t'me svetit...” (K kharakteristike mirovozzreniia i tvorchestva pozdnego Dostoevskogo) [“And the Light Shines in the Darkness...” (On the Characterization of the Worldview and Creativity of Dostoevsky in His Late Period)]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2012. 408 p. (In Russ.)
- Viktorovich, V. A., Man'kova, L. V., Penskaia, E. N. “Salias-de-Turnemir” [“Salias de Tournemire”]. *Russkie pisateli 1800–1917* [Russian writers 1800–1917], ed. by P. A. Nikolaev. Moscow, Bol'shaia Rossiyskaya Entsiklopediia Publ., 2007, pp. 456–461. (In Russ.)
- Lebedev, Yu. V. “U istokov dialoga epicheskikh romanov v zhurnale ‘Russkii vestnik’ (I. S. Turgenev i B. M. Markevich)” [“At the Origins of the Dialogue of Epic Novels in the Journal ‘Russian Bulletin’ (I. S. Turgenev and B. M. Markevich)”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 3, 2021, pp. 22–51. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-3-22-51> (In Russ.)
- Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo. 1821–1881: v 3 t.* [Chronicle of the Life and Work of F. M. Dostoevsky. 1821–1881: in 3 vols.]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 2. 593 p. (In Russ.)
- Saisu, N. *Obraz nastavnika v tvorchestve F. M. Dostoevskogo kontsa 1860-kh — nachala 1870-kh gg.: sv. Tikhon Zadonskii, K. E. Golubov* [The Image of a Mentor in the Works of F. M. Dostoevsky in the Late 1860s – Early 1870s: St. Tikhon Zadonsky, K. E. Golubov: PhD Dissertation]. St. Petersburg, 2020. 194 p. (In Russ.)
- Tikhomirov, B. N. “...Ia zanimaius' etoi tainoi, ibo khochu byt' chelovekom”: stat'i i esse o Dostoevskom [“...I am Engaged in this Secret, Because I Want to Be Human”: Articles and Essays about Dostoevsky]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2012. 500 p. (In Russ.)
- Fridlender, G. M. “U istokov pochvennichestva (F. M. Dostoevskii i zhurnal ‘Svetoch’)” [“At the Source of Pochvennichestvo (F. M. Dostoevsky and the Journal ‘Svetoch’)”]. *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*. Moscow, AN SSSR Publ., 1971, vol. 3 (5), pp. 400–410. (In Russ.)
- Fridlender, G. M. *Dostoevskii i mirovaia literatura* [Dostoevsky and World Literature]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1979. 423 p. (In Russ.)